

Предисловие

Эта работа интересна тем, что она именно и есть иллюстрация своего содержания. Пожалуй, она ни о чём. Это попытка удержать на бумаге момент понимания, сохранить ту остроту переживания чуда, которая, к сожалению, быстрее всего стирается из памяти. Через несколько лет можно вспомнить некоторые обстоятельства, возможно, даже цепочку рассуждений, послуживших рождению нового понятия, но не больше. Хотя чаще всего и это забывается за ненужностью. Само же слово-понятие остаётся жить, и кажется, что его первоначальный смысл, а вместе с ним и то озарение, которое нас посетило, тоже сохранились. Но это не так. Стоит вновь задуматься над смыслом такого слова, чтобы увидеть, каким призрачным и неясным сделался этот смысл. Слово опустело, чудо осталось в прошлом, за неуловимой гранью, отделяющей нашу привычную жизнь от экстазов вдохновения и творчества. Можно ли вернуться туда?

Это случилось шесть лет назад, в сентябре 1993 года. Я только что окончила школу и сдала вступительные экзамены в университет. Впереди ожидало меня что-то новое, незнакомое, большое. Может быть, поэтому вполне обычные вещи чувствовались острее, а чужие мысли слышались как свои собственные.

И последнее. Я не вносила в текст никаких изменений. Ведь это рассказ не о том, *что именно* было, а только о том, *как* это было. А было очень здорово.

Август 1999

Эссе о резонансе.

О со-форме.

Со-форма. Боюсь потерять понятие, поэтому даю ему самому со-форму. Допустим, я обладаю некой мыслью, идеей, идеальной формой, как пространством без начала и конца – сейчас. Потом, возможно, будет другая идеальная форма, а той больше не будет никогда. Но я могу, пока она есть, попытаться её привязать, соединить с реальным тут-бытием, не воплотить, но обрисовать, то есть найти идеальной форме со-форму. Как? В слове, в звуке, в цвете... Необходимо подобрать для идеальной формы слова. Они сами не будут формой, но ниточками, удерживающими её для меня навсегда (потому что это моя форма), для других... чем точнее, ярче, правильнее эта со-форма, не воплощение, но имя. Но и это не главное, а Резонанс.

В голове опять пустота. Вот оно – ускользание, растворение форм. Осталось только ощущение – Резонанс. Мне нравится, что оно музыкальное. Тогда по порядку.

Об одном стихотворении.

В моей жизни среди разных любимых стихов было одно – просто любимое. Блок Александр Александрович. Стихотворение такое:

*Предчувствую Тебя. Года проходят мимо –
Всё в облике одном предчувствую Тебя.
Весь горизонт в огне – и ясен нестерпимо,
И молча жду, – тоскуя и любя.
Весь горизонт в огне, и близко появленье,
Но страшно мне: изменишь облик Ты,
И дерзкое возбудишь подозренье,
Сменив в конце привычные черты.
О, как паду – и горестно, и низко,
Не одолев смертельные мечты!
Как ясен горизонт! И лучезарность близко,
Но страшно мне: изменишь облик Ты.*

Да, оно меня притягивало, ласкало, немножко гипнотизировало. Я знала его наизусть. (Выучила. Должна же я знать до конца свои любимые стихи. Только сейчас я поняла, что любимым оно стало раньше, чем я его услышала в первый раз. По крайней мере, *здесь* в первый раз.) Оно красивое? Безумно. Выразительное? Да, конечно, только... конечно, выразительное. Так о чём оно? Ну... (я бы, пожалуй, ответила). Ты понимаешь? Понимаю. В нём Блок...

Меня просто не спрашивали. Хотя, если бы спросили, я бы что-нибудь сказала. Потом была песня. Почему мне захотелось облечь именно это стихотворение в мелодию, я не знаю. Но то была невольная первая со-форма, рождавшаяся где-то в недрах моего Я идеальной формы, идеи, озарения, Истины. Мелодия нашлась, моя первая чистая мелодия от звука. Получился союз со-формы Блока и моей со-формы относительно со-формы Блока. И только. А песня мне нравилась, и я много раз пела её.

Об одной книге.

Та глава в “Розе Мира” называлась “Падение вестника” (в книге Х “К метаистории русской культуры”). А прямо перед ней речь шла о Владимире Соловьёве. Любовь и уважение к этому имени у меня в крови. Случайность или нет, но он – мои ворота в философию, я имею в виду философию письменного слова. Первый трактат, прочитанный и осмысленный. Что-то о назначении философии, лекция на каких-то дамских курсах, я даже не помню. Но имя – имя осталось основным. И вот читаю: Андреев о Соловьёве. Местами пробирает нервная дрожь. Мне нравится, я понимаю. Идёт связка: Соловьёв – Блок. Интересно. Очень. Читаю о Блоке. “Падение вестника”.

“Но встретились они глазами, кажется, только раз; синие очи духовидца Звенты-Свентаны остановились на прозрачных серо-голубых глазах высокого статного юноши с кудрявою, гордо приподнятой головой”.¹

“Через три года в книжных магазинах появились “Стихи о Прекрасной Даме”. Соловьёва – единственного человека, который мог бы понять эти стихи до последней глубины – уже не было в живых. Но литературною молвою Александр Блок был признан как приемник и поэт-наследник пророка Вечной Женственности”.²

Как рассказать здесь о Навне – Идеальной Соборной Душе российского сверхнарода? Трудно. Невозможно. Ненужно. Это есть

¹ Андреев Д.Л. Роза Мира, с.196.

² Там же , с. 196.

у Андреева. Как рассказать о Великой Блуднице – Велге? Ведь все это – андреевские со-формы его идеальных форм. Насколько они точны? Как их постигнуть? Да и существуют ли они вообще, чтобы их постигать? Не миф ли это, не сказка? “Ничуть не бывало. Для мифического сознания как такового миф вовсе не есть ни сказочное бытие, ни даже просто трансцендентное. Это – самое реальное и живое, самое непосредственное и даже чувственное бытие”.³ У каждого свой путь. А мой путь лежал через Блока.

“Закружила плясками, затуманила зельями, заморочила ласками...

Не Навна, не Идеальная Душа, а ее противоположность.

Сперва пел о Навне, принимая ее в слепоте за Вечную Женственность. Теперь поет о Велге, принимая ее за Навну в своей возросшей слепоте”.⁴

Поймите, я читаю книгу, которая мне безумно нравится, в которой каждое слово полно для меня глубочайшего смысла. Почему? Наверное, потому что это *моя* книга. Ее идеи созвучны моим. Я понимаю трагедию Блока, я чувствую существование Навны. Говорю со-звучны, точно отклики, отсветы Истины, но еще не Истина, не Знание, не Резонанс.

О видении очевидного.

Итак, я уже подошла к понятию Резонанса.

Представьте: у меня есть любимое стихотворение Блока, есть даже мелодия на это стихотворение, я пела его как песню много десятков раз; у меня есть любимая книга, в которой я прочитала о Блоке, о сущности его творчества и о глубокой трагичности его пути. Я легла спать. Начался новый день. Где-то во мне есть Блок, Андреев, песня, Навна, Соловьёв, сгущаются и размываются какие-то идеальные формы. Так могло продолжаться неделями, месяцами. Хотя всё уже есть, осталось только вдруг...

Я шла по улице и начала читать про себя:

Предчувствую Тебя... (Что?!!) Года проходят мимо –

Всё в облике одном предчувствую Тебя. (Конечно, это о Ней!)

Весь горизонт в огне – и ясен нестерпимо, (Как нестерпимо жарко ощутить Человеческой душой ясность Её нисхождения в тебя.)

³ Лосев А.Ф. Диалектика мифа, с. 417.

⁴ Андреев Д.Л. Роза Мира, с. 198

И молча жду, – тоскуя и любя. (Вот она – вечная, великая, светлая тоска. Ведь он даже не знает, кто Она.)

Весь горизонт в огне, и близко появление,

НО СТРАШНО МНЕ: ИЗМЕНИШЬ ОБЛИК ТЫ. (Он знал, понял, почувствовал всё до самой глубины своего мета-Я!)

И дерзкое возбудишь подозренье,

Сменив в конце привычные черты. (Так и есть. Так и произошло.)

О, КАК ПАДУ – И ГОРЕСТНО, И НИЗКО, (Не может быть, оставь же себе хоть каплю нераскрытой!)

Не одолев смертельные мечты! (Пусть этим ты одолеешь будущее падение! Я знаю, что ты уже высоко.)

Как ясен горизонт! И лучезарность близко,

Но страшно мне: изменишь облик Ты.

Всё. Я иду по улице. Мир не рухнул. Слёзы катятся. Я счастлива до слабости, до опустошённости. Во мне живёт Истина. Позже я назвала это состояние – Резонанс. Не просто я поняла Блока, но прожила его идеальную форму 92 года назад, 4 июня 1901 года. Своим метаисторическим видением Даниил Андреев угадал Блока, а я его раскрыла в себе. Андреев назвал Блока “недопроявившимся”. Да, но есть одно – только одно (я проверяла) – стихотворение, в котором он увидел весь свой путь: его начало, взлёт, трагедию и конец.

О самом Резонансе.

Чтобы передать и донести свои формы миру, людям, которые есть вокруг меня, я облакаю их в со-формы, которые не суть сами формы, а только их выражения в слове, звуке, краске и так далее. Также и в интонации, взгляде, отношении. Это выражение есть искусство. Но формы, которые я выражаю, тоже не суть мои собственные, а улавливаемые мной из общего хранилища форм – Формалии.

Но если некие формы могут в принципе существовать во мне, то, значит, передача чистых форм без преломления в со-формах возможна тоже. Что происходит? Если со-формы – это способ передачи идеальных форм, то возможны следующие варианты.

Во-первых, со-формы могут полностью исказить и заслонять формы, то есть мы облакаем свою форму в такую со-форму, воспринимая которую, у нашего преемника складывается совершенно другая форма (Схема А).

$$\Phi 1 \rightarrow S \rightarrow \Phi 2$$

Схема А

Φ1 – наша идеальная форма
 S – наша со-форма
 Φ2 – форма, которая сложилась
 у преемника нашей формы

Второй вариант, когда со-форма служит не искажающей призмой, а, скорее, трубой, по которой происходит перетекание идеальных форм. Так, воспринимая нашу со-форму, преемник именно её и обретает, то есть видит не верхнюю шелуху, а то, что действительно за ней прячется (Схема В).

$$\Phi 1 \rightarrow \boxed{S} \rightarrow \Phi 2$$

Схема В

Но и это ещё не Резонанс. Резонансом назовём третий вариант, когда преемник уже настолько готов к приятию в себя нашей идеальной формы, что он в состоянии сам продуцировать в себе эту форму, едва уловив намёк на неё в нашей со-форме (Схема С).

$$\begin{array}{ccccccc} \Phi 1 & \rightarrow & \boxed{S} & \rightarrow & \Phi 1 & & \\ \swarrow & \downarrow & \searrow & \swarrow & \downarrow & \searrow & \\ \Phi 2 & \Phi 3 & \Phi 4 & \Phi 2 & \Phi 3 & \Phi 4 & \end{array}$$

Схема С

Φ1, Φ2, Φ3, Φ4 – наша идеальная форма, которую преемник получает почти без нашего участия

Идёт восприятие и воспроизведение формы как таковой без со-формы. Но что интересно, состояние Резонанса – мгновенно, спонтанно и невозвратно. Единственная возможность сохранить и выразить его – это попытаться подобрать ему самому со-форму, чем и занимаются поэты, художники, мыслители, ваятели и так далее.

Например, совсем недавно вышла изумительная книга, которая по своему замыслу и воплощению является именно существом Резонанса. Это альбом художника В. Гордеева, в котором каждая из картин написана как ощущение какой-то определённой строчки из

поэзии Б. Пастернака.⁵ Здесь такое глубинное проникновение в смысл поэтической строки, что становится возможным выразить её в цвете.

Смысл творчества и состоит в выражении идеальных форм посредством со-форм. Но идеальная форма, улавливаемая из Формалии в состоянии Резонанса, обретает окраску истинности. “Сама истина есть добыча, она не просто налична, напротив, в качестве открытия она требует в конечном счёте вовлечения всего человека. Истина соукоренена судьбе человеческого присутствия (Dasein). Она сама есть нечто утаённое и в качестве такового – высшее.”⁶

Истинность мира, как мне кажется, обретается в снятии покровов, то есть в различении за со-формами идеальных форм. Поэтому, в этом смысле, понятия Истины и Идеальной Формы тождественны. А поставляя идеальные формы миру с помощью со-форм, мы сами вносим ложность в наши творения, скрывая их истинность.

Получается, что задача творца найти для выражения идеальной формы наиболее адекватные со-формы, то есть со-формы, несущие как можно меньше лжи, а задача его преемника попытаться увидеть за со-формами форму, ощутить Резонанс и дальше пытаться выразить его самому. Так тянется цепь понимания, которая является стимулом для творчества, а значит, стимулом развития, то есть очищения Истины от покровов Лжи.

Сентябрь 1993.

⁵ Б. Пастернак, В. Гордеев. Со мной, с моей свечою вровень миры расцветшие висят. БО ВФО, 1993.

⁶ Хайдеггер М. Основные понятия метафизики, С. 136 – 137.